

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

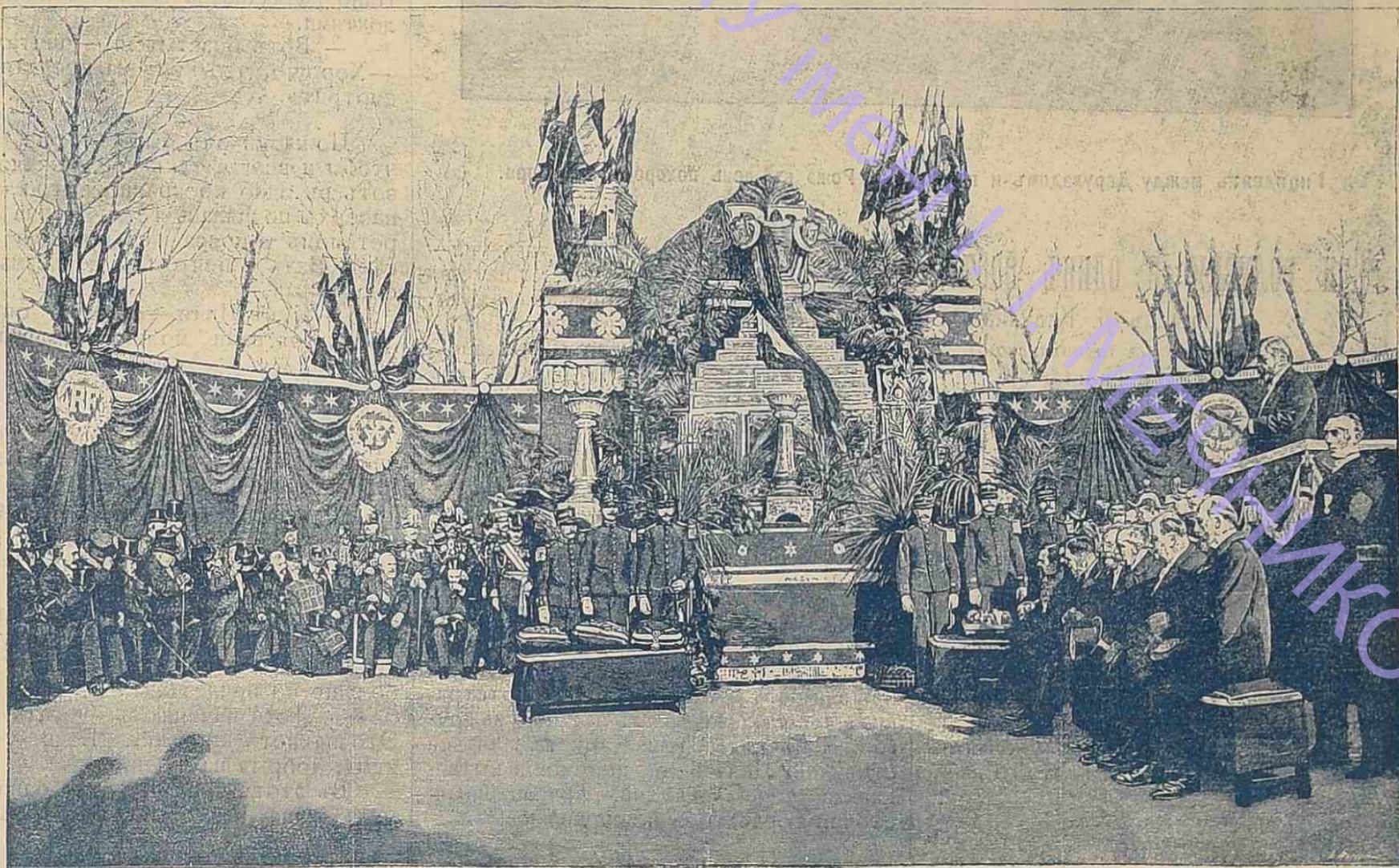
№ 4555.

Воскресенье, 28-го февраля 1899 г.

№ 4555.



Генер. гр. Соллогубъ. Адмир. Скрыловъ. Генер. Вильторлингъ. Генер. Фридерикъ.
Депутация отъ русской арміи и флота на похоронахъ Феликса Фора.



Похороны Ф. Фора. — У главныхъ вѣроть кладбища Pégé-Lachaise.



Инцидентъ между Дерулэдомъ и генераломъ Рожэ въ день похоронъ Ф. Фора.

Три голубки и одинъ бобъ.

Разсказъ Л. Капуана.
(Переводъ съ итальянскаго).
Окончаніе *).

Въ самомъ дѣлѣ, у него теперь завелось три жены—и одна лучше другой. Но не будемъ злословить! Самъ Нино не обращалъ никакого вниманія на трехъ дѣвушекъ, которыя суетились вокругъ него, наперерывъ стараясь ему услужить. А онѣ, не прошло и трехъ дней, уже начали косо одна на другую поглядывать. Между ними завязалась борьба: каждой хотѣлось побольше угодить, оказаться самой проворной и умѣлой. Мало-по-малу однако въ удрученнаго горемъ вдовца стало проникать сознаніе, что теперь постель его взби-

*), „Од. Пол.“ № 4518.

Бѣдный вдовецъ на все только печально и покорно улыбался. Являясь утромъ раньше другихъ, Кармела никогда не упускала случая замѣтить: „и чего это сюда таскаются тѣ двѣ! Точно мало меня одной? Или я не довольно сильна и ловка!“ И она распристражнялась о медлительности Чиччи, которая двигалась, какъ черепаха, и была только помѣхой въ домѣ. А стряпня Нелы? Хороша, нечего сказать! Эта неряха не умѣетъ даже горсти бобовъ поджарить!

Нино пожималъ плечами и безмолвно соглашался.

Но онъ такъ-же точно соглашался и съ Чиччией, когда та называла Кармелу тумбой и увѣряла, что она только умѣетъ пыхтѣть да всюду безъ толку носъ совать.

Не возражалъ онъ и Нелѣ, которая обзывала двухъ другихъ бѣлоручками: — Имъ бы только,—говорила она о нихъ,—напяливать на себя всякое тряпье, да хвостомъ вертѣть.

Что было дѣлать бѣдному человѣку? Онъ поневолѣ соглашался со всеми тремя, лишь-бы сохранить въ домѣ миръ.

Чиччія и Кармела, глядя, какъ увиается вокругъ вдовца Нела, въ одинъ голосъ восклицали:

— Какова пройдохка!

Кармела и Нела въ свою очередь дружно издѣвались надъ Чиччией, когда та, подсаживаясь ко вдовцу, съ нимъ шепталась, точно у нихъ были секреты.

А Нела и Чиччія опять-таки за одно перемывали косточки Кармелѣ, смотря, какъ она, засучивъ рукава и подобравъ юбки, неутомимо шмыгала взадъ и впередъ по комнатамъ и подъ самымъ носомъ Нино размахивала своими обнаженными локтями.

— Вотъ безстыжая,—шептали онѣ.

— Хорошо, что кумъ на нее даже и не смотритъ.

Пожалуй онъ былъ бы не прочь, чтобы и всегда такъ продолжалось. Но вотъ въ одно прекрасное утро къ нему навѣрхъ поднялась тетка Пеппа съ веретенемъ у пояса и съ пряжкой въ рукахъ. Видъ у нея былъ серьезный-пресерьезный.

— Кумъ Нино,—сказала она,—на дѣюсь, съ вами можно говорить начистую?

— Самъ собой разумеется, пожалуйста, кумушка Пеппа.

— Слушайте же. Если вы честный человѣкъ и на то есть воля святого Иосифа...

Но она не могла кончить. Явился мастро Паоло со своей скверной трубкой въ зубахъ. Онъ пришелъ навѣстить кума и остался доволенъ его цвѣтущимъ видомъ. Затѣмъ онъ отвѣлъ Нино въ сторону и выразилъ надежду, что тотъ не взыщеть, если Чиччія къ нему больше не придетъ.

— Люди начинаютъ чесать языки. Это пахнетъ кровью!.. Если у насъ, кумъ, добрая намѣренія...

Въ этотъ день пришла одна Кармела. Она, по обыкновенію, засучила

рукава, подоткнула подолъ и принялась за дѣло: взбила постель, съарила обѣды, поставила тѣсто для хлѣба, даже спекла дѣтямъ лепешки—и все молча, спокойно, какъ опытная хозяйка.

Немного спустя явилась сосѣдка, взявшая на себя обязанность выкормить новорожденнаго сиротинку. Кармела вынесла ей ребенка, распеленала его и переодѣла привычной рукою настоящей матери. Потомъ она спросила:

— Кумъ Нино, не дать ли кормилицѣ бобовъ?

Тетка Пеппа скривила ротъ и, уходя, шепнула Нино:

— Вишь расщедрилась! Вѣдь бобы-то ей ничего не стоятъ.

Мастро Паоло вытряхнулъ трубку, постучалъ ею о ручку кресла и всгаль. Его тоже разбивала досада и онъ, пожимая руку Нино, на прощанье пробормоталъ вполголоса:

— Понимаю, кумъ! Коли вамъ охота бѣтъ изъ блюда, изъ котораго уже и другіе ѣли, что же—на здоровье!

Кармела все слышала. Когда гости ушли, она, затягивая покрѣпчесенки передника, проговорила:

— Кумъ Нино, какъ мнѣ ни жаль дѣтей, но я...

Голосъ ея оборвался въ слезахъ.

— Перестаньте! Пусть ихъ болтаютъ! Это однѣ сплетни, одна злость, —утѣшала ее Нино.—Потерпите ради бѣдныхъ дѣтокъ, Кармела!

На слѣдующій день однако опять пришли всѣ три. Онѣ между собою не говорили, обмѣнивались сердитыми взглядами и отнимали одна у другой работу. Въ результатѣ обѣды были испорченъ, дѣти остались немутыя и нечесанныя. Все въ домѣ шло вверхъ дномъ. Плохо взбитая перина представляла одни комки. Нела разбила двѣ тарелки и взвѣлась за то на Чиччію и Кармелу.

— Грязныя неряхи!—бросила она имъ въ лицо.

Чиччія опрокинула ушатъ съ водой, залила всю комнату и чуть не подралась съ „этой неспособной Кармелой, которая за все бралась и ничего не умѣла дѣлать“.

А Кармела, подбоченясь и наступая на нее съ искаженнымъ лицомъ, во все горло орала, что кумъ Нино,— дуракъ, который позволяетъ водить себя за носъ этимъ двумъ негодницамъ.

— Да я-то тутъ причѣмъ-же?—взмолдился кумъ Нино.

Благодаря всей этой дневной неурядицѣ и комкамъ въ постели, бѣдный вдовецъ, несмотря на усталость, во всю ночь не сомкнулъ глазъ.

— А еще говорить, что у меня три жены вмѣсто одной! Благодарю покорно! Не слишкомъ ужъ много!—восклидалъ несчастный послѣ еще двухъ такихъ дней.

— Нѣтъ, надо на что-нибудь рѣшится, такъ нельзя продолжать! Кабы не ребята!.. Но если на то воля Божья...

И онъ на слѣдующій-же вечеръ рѣшился.

Свѣжія, полная, обнаженная выше локтя руки Кармелы, то и дѣло мель-

кавшія у него передъ глазами, можетъ быть, ускорили его рѣшимость.

Кармела была одна въ домѣ. Кумъ Нино подѣхалъ въ телѣгѣ. Молодая дѣвушка увидѣла его изъ окна, сбѣжала внизъ и стала вмѣстѣ съ нимъ распрягать мула.

Кумъ взялъ ее за руку.

— Послушайте, Кармела!..

— Оставьте, кумъ Нино!

— Нѣтъ, послушайте. Коли вы мнѣ побожнитесь, что злые языки врутъ...

— Что же, вы мнѣ повѣрите?

— Повѣрю, клянусь душою моею покойной жены—царство ей небесное!

— Ну, хорошо. Такъ я вамъ побожусь вотъ надъ этимъ крестомъ.

Кармела сложила на-крестъ два пальца и поцѣловала ихъ.

Въ день свадьбы, когда молодые возвращались изъ церкви, Нела и Чиччія находились въ толпѣ другихъ сосѣдей, собравшихся у ихъ дома. Имъ хотѣлось побѣдить свою бывшую подругу, и потому онѣ поспѣшили помириться. Обѣ прикидывались веселыми и довольными.

Тетка Роза бросала вездѣ молодымъ пригоршни овса.

— Совѣтъ да любовь! Долгіе дни и побольше сынковъ!—приговаривала она.

— Ну, за этихъ дѣломъ не станеть! —насмѣшливо замѣтилъ мастро Паоло.

Нела и Чиччія схватились за бока и покатились со смѣха.

Кармела притворно закашлялась, обернулась и, три раза плюнувъ себѣ черезъ плечо, злобно проговорила:

— Провалитесь вы, окаянныя!

Послѣ развода.

Поля Маргеритъ.

(Съ французскаго).

Дотреть ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Венеціанское зеркало отражало его высокую фигуру, блѣдное лицо и уже сѣдые на вискахъ волосы. Когда онъ проходилъ мимо открытыхъ оконъ, свѣтъ падалъ на его лицо, на которомъ видѣлись морщины. Печать мрачнаго раздумья лежала на его челѣ.

М-те Дотреть, его мать, сидѣла въ креслѣ и, казалось, была погружена въ чтеніе книги. Но украдкой она бросала безпокойные взгляды на сына. И дѣйствительно мебель и вся обстановка комнаты указывала на то, что случилось нѣчто новое, необычайное.

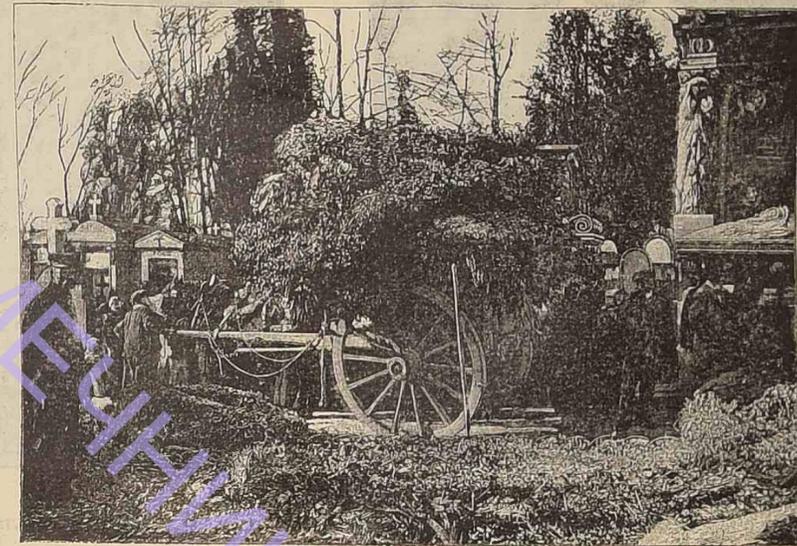
Роль молодой м-те Дотреть была закрыта, ея кресло пусто, на ея столикѣ были въ беспорядкѣ разбросаны бездѣлушки и портреты, хрустальная ваза была безъ цвѣтвъ.

Дотреть посматривалъ на часы, не переставая шагать. Теперь его мучила лихорадка ожиданія, онъ задыхался.

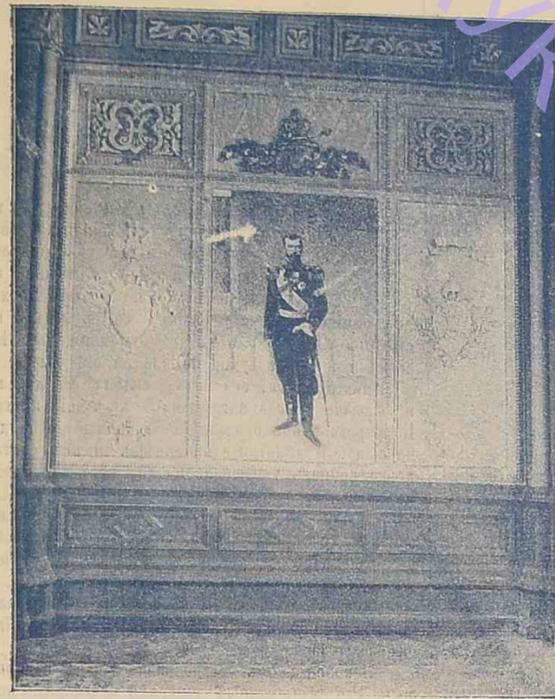
Наконецъ, онъ остановился. Дверь отворилась. Его дядя, старый генералъ Форжере, показавшись на порогѣ. Симпатичное лицо его было важно, вслѣдствіе принятыхъ имъ извѣстій. Г-жа Дотреть встала, она страшно волновалась, ожидая извѣстій.

— Ты свободенъ!—объявлялъ старикъ. — Я изъ зала суда.—Ты разведенъ!

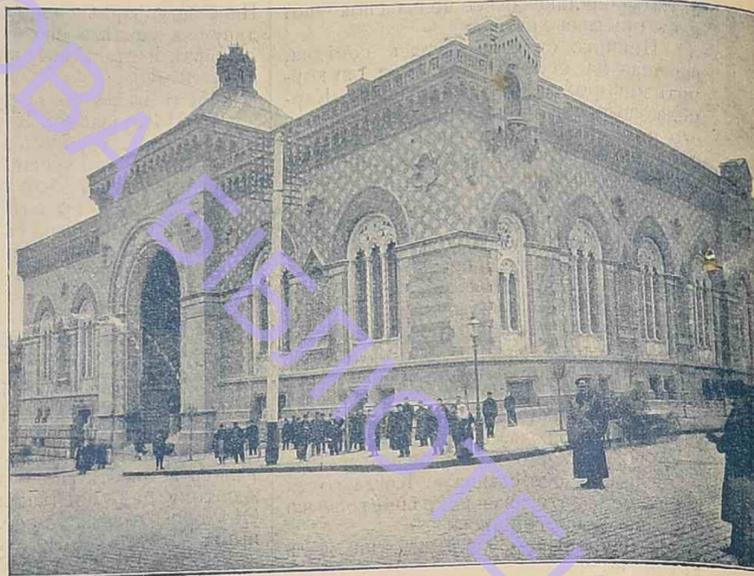
Дотреть молча поклонился. Онъ почувствовалъ облегченіе, узнавъ о своей свободѣ и глабоко вздохнулъ. Мать съ торжествующимъ видомъ поцѣловала его въ лобъ. Но онъ отвернулся къ окну, погруженный въ мрачныя размышленія. Мысли его перенеслись къ первымъ днямъ



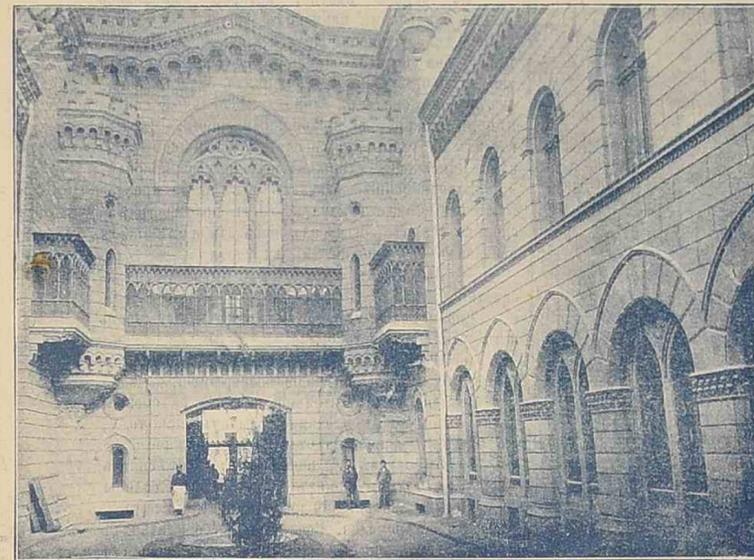
Послѣ похоронъ Ф. Фора съ кладбища Rue Lachai e.



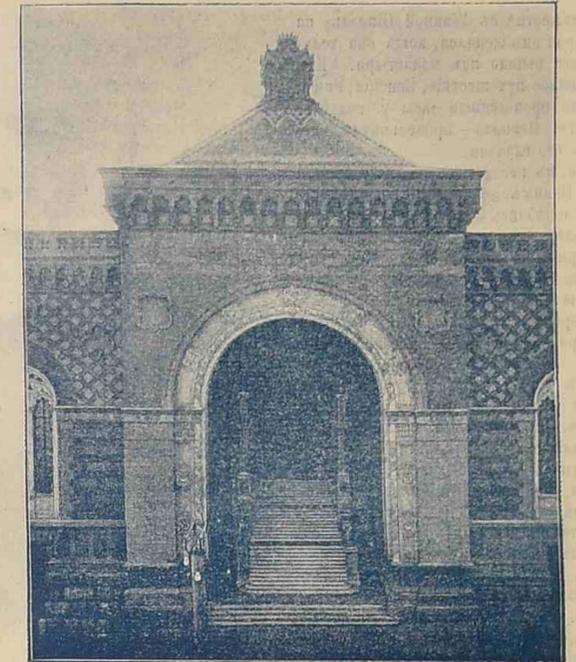
Портретъ Государя Императора въ главномъ залѣ.



Фасадъ зданія.

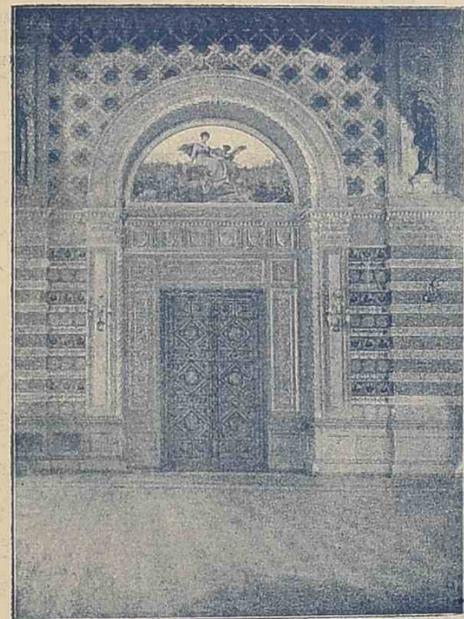


Видъ со двора.

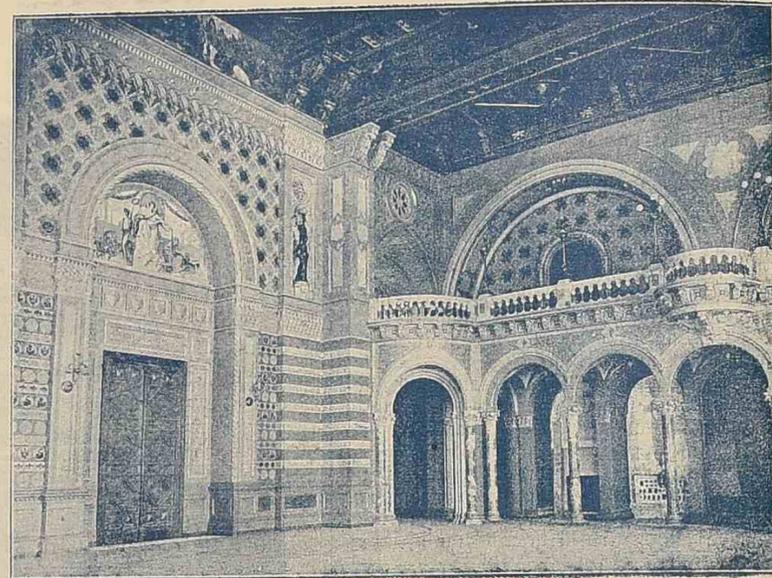


Главный входъ.

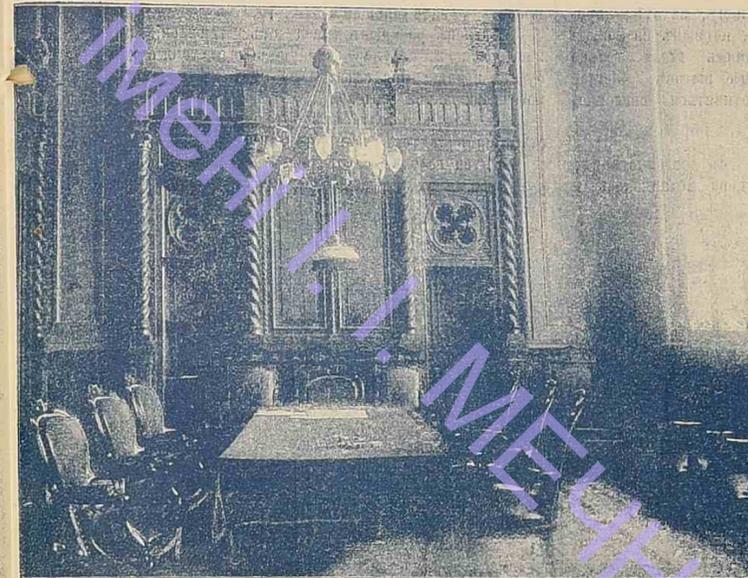
НОВОЕ ЗДАНИЕ БИРЖИ ВЪ ОДЕССѢ.



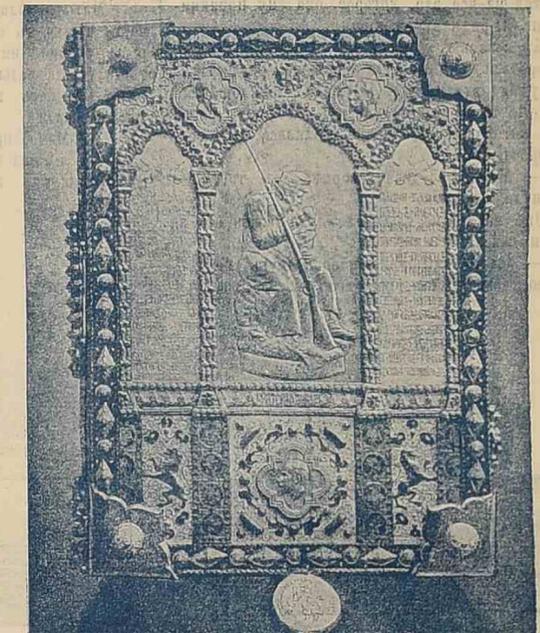
Входъ въ залъ.



Главный залъ.



Залъ засѣдній.



Альбомъ, поднесенный Государю Императору отъ имени болгарскаго народа.

НОВОЕ ЗДАНИЕ БИРЖИ ВЪ ОДЕССѢ.

супружества съ Жанной Шаналь, на которой онъ женился, когда она только что вышла изъ монастыря. Ихъ свадебное путешествие, Венеція, Римъ, мирно проведенные часы у голубого берега Неаполя—промелькнули передъ его глазами.

Но, къ несчастью, по возвращеніи въ Парижъ возникли недоразумѣнія. Они ошиблись одинъ въ другомъ. Она думала, что выходитъ замужъ за совершенно другого человека, онъ—что женится на такой женщинѣ, какою она не была.

Первая стычка была вызвана свекровью, которая вмѣшалась въ ихъ хозяйство, считая себя въ правѣ это сдѣлать. Молодая женщина возмущалась и заговорила очень рѣзко, Дотрени была поражена. Онъ считалъ свою жену кроткой, доброй, послушной, а оказывалось, что она рѣзка, враждебна и замкнута. Съ другой стороны она считала его человекомъ простымъ, а очутилась лицомъ къ лицу съ хозяиномъ, серьезность котораго она принимала за педантизмъ, а практичность—за сухость. Отсюда одинъ шагъ до ненависти, а мать отравляла взаимныя отношенія, и скоро домъ сталъ адомъ.

Молодая женщина начала развѣзжать по баламъ, усиленно посѣщать модистокъ, дѣлать разорительныя покупки. Супругъ ея проводилъ ночи въ клубѣ, проигрышавая бѣшенныя деньги. И это продолжалось семь лѣтъ. Семь лѣтъ... Сколько горькихъ дней было пережито!

Но это не все! Нѣтъ! Къ этому прибѣжились увлеченія одного и другой, ревность сыграла затѣмъ немаловажную роль.

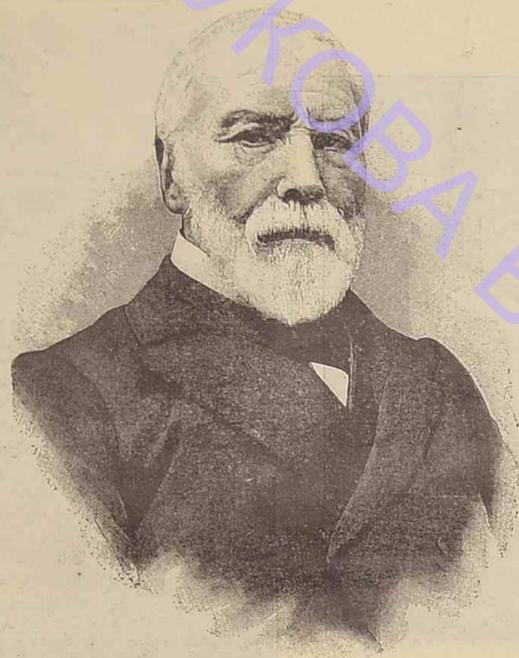
Но Дотрени все простилъ, потому что, несмотря на все зло, которое она ему причинила, онъ любилъ эту женщину.

Къ счастью, у нихъ не было дѣтей. Уставши бороться, они рѣшили, наконецъ, развестись. Но неужели это правда? Неужели они дошли до этого? Неужели онъ не увидитъ больше своей жены, которая на это время удалилась въ Пасси, въ монастырь?

— Морницъ, дядя говорить съ тобой!— окликнула его мать.

— Онъ ничего не слышалъ. Дядя взялъ его за руку и сказалъ:

— Ты не слышишь меня, другъ мой? Я уважаю твою печаль. Но твоя жена желаетъ



Евгеній Гуильомъ, новый «бессмертный» французской академіи.

тебя видѣть, и я ее привезу, исполняю ея настоятельную просьбу. Она ждетъ внизу, въ коляскѣ.

Дотрени, не понимая хорошенько, смотрѣлъ на честное лицо г-на Форжера, но вдругъ провъ припала къ его щекамъ, и онъ отвѣчалъ, называя жену ея дѣвичьей фамиліей:

— Я къ услугамъ m-me де-Шаналь.

Мать приблизилась къ нему, захотѣла прочесть что-то въ его взглядѣ, но сынъ ея смотрѣлъ упорно внизъ и поднималъ глаза только тогда, когда слышать шумъ шаговъ. Тогда, видя, что мать хочетъ противиться свиданію, онъ сказалъ:

— Мама, прошу васъ...

Она вышла тотчасъ же, съ достоинствомъ, въ ту минуту, когда портьера поднималась и

входила молодая m-me Дотрени.

Ея черное платье, которое оживилось только букетикомъ пармскихъ фиалокъ у лифа, дѣлало ее совершенно другой женщиной. Но какъ только она подняла вуаль, онъ увидѣлъ, что она похорошѣла, и это причинило ему страданіе; онъ узналъ онаго ея лица, нѣсколько пополнившій теперь, ея правильныя черты, гордый взглядъ ея глазъ, верхнюю губу, слишкомъ тонкую, и нижнюю, слишкомъ выдающуюся впередъ.

Вавонованный, указавъ онъ ей на кресло. Она сѣла, также волнуясь. Онъ подождалъ нѣсколько секундъ, и страхъ показаться смѣшнымъ заставилъ его произнести эти слова:

— Вы желали со мной говорить? Это касательно дѣла?

Она сѣдала усталый отрицательный жестъ и съ усиліемъ проговорила:

— Пусть о дѣлахъ говорить нотаріусы, а я, вѣрите мнѣ, живу ваше безкорыстіе.

Дотрени, дѣйствительно, щедро ее обезпечилъ. (Ихъ полагъ плечамъ, улыбающийся току, что она такъ заговорила отнать ему должное.

— Въ слушаніи... началъ онъ, стѣснился говорить о такихъ вещахъ,—въ слушаніи, еслибы вы захотѣли взять ваши драгоцѣнности и все то...

Онъ остановился. Воспоминаніе о платьяхъ, о бѣльѣ, о женскихъ нарядахъ заставило его показать объ этихъ красивыхъ и изящныхъ вещахъ, которыя ее украшали и составляли какъ бы часть ея самой.

Она опять покачала отрицательно головой; ея глаза были устремлены на коверъ. Она покраснѣла, что сдѣлало ея лицо обаятельнымъ.

— Меня приводитъ сюда только потребность видѣть васъ въ послѣдній разъ.

И она посмотрѣла ему прямо въ глаза; онъ также смотрѣлъ на нее, охваченный страшною тоской, боясь объясненія, но она сказала:

— Вотъ мы разведены. Мы уже болѣе ничто другъ для друга. Но прежде чѣмъ разстаться навсегда, я пришла позвать вашу руку и попросить у васъ прощенья.

Дотрени раскрылъ глаза отъ удивленія и насторожился, подумавъ: какую комедію она еще будетъ прать? Она сѣдла за нимъ съ печальной и искренней улыбкой.

— Вы не вѣрите мнѣ? Это, правда, я заставляла васъ такъ часто страдать!

Въ ея голосѣ слышалось раскаяніе, оно видѣлось и въ ея взглядѣ, и въ смущенной

позѣ этой гордой женщины. Но тутъ гордость, свойственная мужчѣ, заставила Дотрени выпрямиться и сказать:

— Вы заставили меня страдать? Вы увѣрены въ этомъ?

Она окинула его взглядомъ съ головы до ногъ, обративъ вниманіе на его бѣздность, на его преждевременно посѣдѣвшіе волосы, и утвердительно кивнула головой. Тогда онъ потерялъ свой апломбъ и, злобно усмѣхаясь, провизгнулъ:

— Такъ вы пришли полюбиться плодами вашихъ трудовъ?

Она возразила съ сожалѣніемъ, смотря вдаль: — Да, мы ужасно мучили другъ друга—теперь мы разошлись! Но я должна сознаться, что вы были лучше меня.

Дотрени промолчалъ. Выраженіе его лица измѣнилось, и онъ тихо проговорилъ:

— Если я причинилъ вамъ зло сознательно или безсознательно,—прошу васъ, простите меня.

Она продолжала:

— Вы снова вернетесь къ жизни; вы будете, безъ сомнѣнія, счастливые меня...

Онъ медленно покачалъ головой и сказалъ: — Вы молоды и прекрасны, другой васъ полюбятъ, я-же вамъ желаю того счастья, котораго я не сумѣлъ вамъ дать.

Она встала.

— Прощайте!

Но чтобы удержать ее хоть на минуту на порогѣ къ невозвратному, Дотрени прошепталъ:

— Однако, какъ вы меня ненавидѣли! Когда я вспоминаю объ этомъ, то мнѣ становится страшно.

Она откровенно созналась:

— Да, я часто относилась къ вамъ съ ненавистью, но были дни, въ которые я васъ любила.

Онъ вздрогнулъ и спросилъ:

— Даже въ самыя худшія минуты?

— Да, даже въ самыя ужасныя минуты. Онъ отвернулся, провелъ рукой по лбу, потомъ съ раздраженіемъ, недокъчивъ признаться:

— Нѣтъ, вы меня ненавидѣли! Сознаться, вы и теперь меня ненавидите!

— Но развѣ-бы я пришла къ вамъ, еслибы это было такъ? Скорѣе вы...

Тогда вся горечь, накопившаяся у него въ душѣ, вылилась наружу.

— Я,—страстно воскликнулъ онъ,—всегда васъ любилъ, да всегда! Я любилъ васъ вчера, я буду любить васъ завтра, здѣсь-ли вы, нѣтъ-ли васъ здѣсь, но я васъ люблю! Слышите-ли: я васъ люблю!

Она схватила ее за руку, никогда еще она не казалась ему такой прекрасной, никогда онъ не чувствовалъ къ ней такого пріятнаго вѣжливости.

— Оставьте меня, оставьте меня,—сказала она, вздохнувъ.

Но онъ уже стоялъ на козлѣнкахъ, просилъ и умолялъ ее:

— Жанна, не уходите, оставайтесь, забудьте! Передъ нами лучшіе годы; хочешь, постараемся быть счастливыми, прежде чѣмъ умереть?

Она тихою рукою оттолкнула его.

— Вы забыли, что мы разведены?

Онъ всталъ.

— Неужели это безвозвратно? Неужели это навсегда? Ну, такъ удемъ вмѣстѣ, удемъ хоть на край свѣта!

Страшная улыбка заиграла на ея лицѣ и, чувствуя всю ничтожность этого предложенія и свое превосходство, она сказала:

— Какъ презираешь ты меня за это!

— Ахъ,—простоналъ онъ,— не больше, чѣмъ ты сама меня презираешь; вѣдь мы любимъ другъ друга? Пойдемъ, будемъ вмѣстѣ

страдать!

Но, боясь уступить, какъ бы испугавшись, она сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ!—и спускала свой вуаль.

Тогда онъ злобно проговорилъ:

— А, я понимаю, зачѣмъ вы пришли! Чтобы запечатлѣть въ моемъ сердцѣ вашъ образъ ненавистный и обаятельный, чтобы разбредить мою рану непозабывимой любовью, увидеть меня вашимъ состраданіемъ... Я это понялъ. Довольно! Уйдите!

Она посмотрѣла на него. Открытыя губы ея неведлились, чтобы заговорить, ея взглядъ протестовалъ противъ этого обвиненія.

— Уйдите!—съ бѣшенствомъ повторялъ онъ,—убирайтесь поплъ!

Видя его гнѣвъ, ей стало страшно, и она повернулась къ двери, но, передъ тѣмъ какъ исчезнуть, она взяла свой маленький букетикъ фиалокъ и, поцѣловавъ его, бросила его Дотрени на прощанье...

Когда вошли оба старика, они увидѣли Дотрени, сплѣснанаго, облокотившись у стола; глаза его были устремлены на букетикъ пармскихъ фиалокъ. Они хотѣли заговорить съ нимъ, но онъ знакомъ попросилъ ихъ оставить его одного еще на нѣкоторое время.

РАЗСКАЗЫ.

Henry Greville.
I.
МАЛИНА.

Здѣсь была роскошная плантація малины. Видно было, что владѣлецъ цѣнитъ эти ягоды, цвѣтъ и ароматъ которыхъ олицетворяетъ собою наступленіе лѣта. Все было подчищено, ни одной посторонней травки не видѣлось на грядахъ кустарниковъ.

А дальше, по обѣ стороны плантаціи, цвѣли розы и жимолость, наполняя воздухъ ароматомъ.

Жюльенна, стоя на козлѣнкахъ, старательно обрывала ягоды. Роса уже спала, но солнце еще не достигло зенита. Въ одной рукѣ она держала бѣлую тарелку, покрытую виноградными листьями, въ другой—изогнутыя ножницы.

Своими тонкими вѣжными пальцами она раздвигала листья кустовъ и быстро обрѣзывала стебельки, на которыхъ держались полныя сочныя ягоды.

— Нечего, нечего прятаться—говорила Жюльенна,—все равно вы будете съдены сегодня-же утромъ!

Она улыбалась и слегка краснѣла при мысли о завтракѣ. Къ нимъ пріѣхалъ невзначай одинъ знакомый и нарушилъ уединеніе, въ которомъ они проводили лѣто: она, ея отецъ и мать.

— Это былъ другъ дома, молодой другъ, лучше сказать, сынъ друга дома.

Онъ пріѣхалъ часовъ въ девять и совсѣмъ невзначай.

— Вы, вѣрно, хотите завтракать?—спросила мать.

— Да,—нѣсколько смущенно отвѣчалъ Марсель.

— Отлично,—сказалъ отецъ.

Жюльенна не произнесла ни слова, но отправилась въ молочную посмоторѣть на приготовленный сыр. Нелзя сказать, чтобы его было вполне достаточно для четверыхъ, ну, ничего, можно прибавить сметаны!

А малина?

Когда она возвращалась въ гостиную, гдѣ сидѣлъ запяленный путешественникъ, мать, услышавъ легкіе шаги ея маленькихъ туфельекъ, крикнула:

— Жюльенна, походи нарви малины, только побольше!

Не входя въ гостиную, Жюльенна взяла тарелку и ножницы. Побольше малины? Еще-бы, къ чему и говорить это, вѣдь она отлично знаетъ, что Марсель любитъ малину.

И, обрывая спѣлыя ягоды, Жюльенна улыбалась и щеки ея покрывались легкимъ румянцемъ.

— Платье мое, право, не дурно,—говорила она самой себѣ, обрѣзывая зеленые стебельки.—Нѣжный, свѣтло-лиловый рисунокъ на бѣломъ фонѣ, это довольно мило, и притомъ оно разглажено сегодня утромъ... Я думаю, что онъ не находитъ его сквернымъ.

Она задумалась. Видя ее неподвижной, пчелы и бабочки сѣли на цвѣты подлѣ нея. Жюльенна продолжала думать.

— Маленькій домикъ, на опушкѣ лѣса, вотъ какъ нашъ,—только еще меньшій... крыльцо, оплетенное дикимъ виноградомъ... Цѣлый день я одна, вѣдь надо-же работать... А въ шесть часовъ я выхожу на дорогу, чтобы увидѣть... Увидѣть что, Жюльенна?

Она опустила голову. Послышались шаги на дорожкѣ, какая-то тѣнь стала между нею и солнцемъ, она съ удивленіемъ подняла голову, точно не узнала, кто находится подлѣ нея.

— Ваша матушка прислала меня помочь вамъ,—сказалъ Марсель.—Я поддержку тарелку, можно?

Она передала ему тарелку и съ озабоченнымъ видомъ стала отыскивать ягоды.

— Жюльенна...—произнесъ молодой человекъ.

Она нагнулась къ кустарнику. До сихъ поръ онъ называлъ ее mademoiselle.

Уголкемъ глаза она взглянула по направленію къ дому. Мать ея стояла на крыльцѣ, отвернувъ голову въ противоположную сторону, точно направлеице тучъ было интересно для нея именно въ южной сторонѣ.

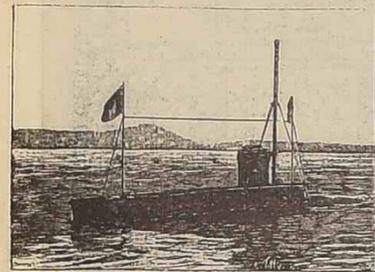
— Жюльенна...

Голосъ звучалъ серьезно и нѣжно; въ то-же время въ немъ чувствовалось волненіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Новое французское подводное судно „Жимнотъ“.





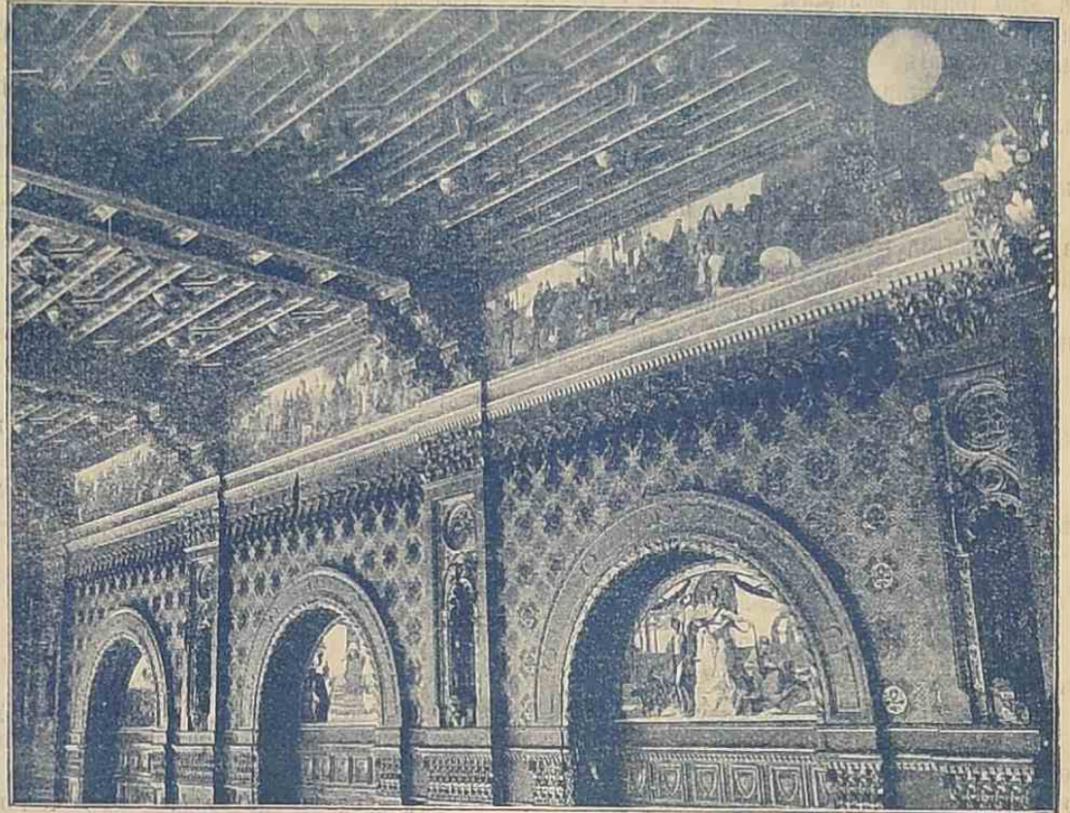
Графъ Колманъ Шеллъ,
новый венгерскій министр-президентъ.

Альбомъ, поднесенный Государю Императору.

Во время недавняго освященія въ С.-Стефановской часовни-усыпальницы въ память русскихъ воиновъ, павшихъ въ послѣднюю турецкую войну, среди присутствовавшихъ на этомъ торжествѣ именитыхъ болгаръ возникла мысль о поднесеніи Государю Императору подарка отъ имени болгарскаго народа въ память освобожденія его отъ турецкаго ига. Подарокъ этотъ, пріобрѣтенный на средства, собранныя по національной подпискѣ, въ настоящее время совершенно готовъ. Это художественной работы альбомъ съ 510 рисунками акварелью, представляющими различные болгарскіе пейзажи, монументы и замѣ-



И. Н. Верстовскій,
авторъ «Аскольдовой могилы».
(По поводу столѣтія со дня рожденія).



Одесса. — Новое зданіе биржи. — Украшенія на потолокъ главнаго зала.

чательныя зданія. Но самая артистическая часть этого альбома, это его крышка, моделированная по рисункамъ знаменитаго скульптора Шаца. Она изъ бронзы съ богатыми орнаментами изъ золота, серебра и перламутра. Въ центрѣ крышки находится барельефъ, изображающій русскаго солдата, держащаго на рукахъ болгарскаго младенца и кормящаго его своимъ солдатскимъ хлѣбомъ. Подъ барельефомъ надпись славянскою

визью: «Братская любовь». Съ обѣихъ сторонъ барельефа названія 57 мѣстъ въ Болгаріи, въ войну 1877—1878 г.г., у которыхъ происходили сраженія и разныя стычки. Надъ барельефомъ два медальона съ портретами Императоровъ Александра II и III, а надъ ними другой медальонъ съ портретомъ болгарскаго князя Фердинанда.



Одесса. — Домъ Роте, на углу Дерибасовской ул. и Краснаго переулка, послѣ грандіознаго пожара 21-го февраля.